Отечественная история
National History

DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-6-15-26

УДК 94(470.67-13=351.32):91.373

КАРАХАНОВ Савзихан Сейфулаевич

Дагестанский государственный университет народного хозяйства

г. Каспийск, Россия

karakhanov65@mail.ru

**ФОРМЫ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЛЕЗГИН-КАРЧАГЦЕВ
В XIX–XX вв.**

В статье рассматриваются формы семьи и семейные отношения лезгин-карчагцев в XIX–XX вв. Экономические составляющие данного этноса, такие как земледельческо-скотоводческое хозяйство, домашние промыслы, малоземелье, а также соблюдение обычаев и традиций предков и другие факторы способствовали частичному сохранению вплоть до начала XX в. неразделившихся семей численностью 20–25 человек. Особое внимание уделяется принципам родства старшего поколения в лице дедушки и бабушки, а также отца и матери, которые осуществляли руководящую и воспитывающую роль в семьях.

Новизна работы заключается в том, что семейно-родственные связи в патрионии и после разделения на малые семьи начиная со второй половины XX в. по настоящее время остаются прочными и устойчивыми, в частности об этом свидетельствует оказание нравственной, моральной, материальной поддержки и помощи обедневшим или попавшим в беду членам семьи. И поэтому, согласно традициям и обычаям, у лезгин-карчагцев в семьях до наших дней сохранились тесные близкородственные связи.

Ключевые слова: лезгины-карчагцы, семья, степень родства, собственность патрионии, предки

Для цитирования: Караханов С.С. Формы семьи и семейные отношения лезгин-карчагцев в XIX–XX вв.. Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Том. 11. № 6. с. 15-26.

DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-6-15-26.

Savzihan S. KARAKHANOV
State University of National Economy
Kaspiysk, Russia
karakhanov65@mail.ru

FORMS OF FAMILY AND FAMILY RELATIONS LEZGINS- CARCAGNY XIX-XX CENTURIES.

The article considers the forms of family and family relations of Lezgin-korchag people in the 19th–20th centuries. The economic component of this ethnic group, such as agricultural and cattle breeding, household crafts, low land, as well as observance of the customs and traditions of ancestors and other factors, contributed to the partial preservation until the beginning of the 20th century of undivided families numbering 20–25 people. Special attention is paid to the principles of kinship of the older generation in the face of grandparents, as well as father and mother, who determined the leadership and educational role in families.

The novelty of the work lies in the fact that family relations in the patronymic and after the division into small families, since the second half of the 20th century, to the present time remain strong and stable, in particular the provision of moral, moral, material support and assistance to impoverished or distressed family members. And therefore, according to the traditions and customs, Lezgins-korchagas families remained close closely related to communication.

Keywords: Lezgins-carcagny, family, relationship, property patronaje, ancestors

For citation: Karakhanov S.S. Forms of family and family relations Lezgin-karchagtsev XIX-XX centuries. Historical and Social-Pedagogical Studies. 2019. Vol. 11. No.6. PP. 15-26.

DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-6-15-26. (In Russ., abstract in Eng.).

Большую роль в изучении любого этноса играет семейный и общественный быт. Семья является основной социально-экономической ячейкой общества, отражающей все главные стороны жизни общества. И поэтому происходящие в семье процессы были непосредственно связаны с развитием и изменением общественной жизни.

Доктор исторических наук, профессор Р.М. Магомедов пишет: «Семейная община или большая семья как историческое явление характерна большинству народов, прошедших первобытнообщинную стадию развития и сохранившихся в условиях господства или преобладания натурального хозяйства» [1]. В этом аспекте интересна организация семейных отношений у лезгин-карчагцев, богатых своей историей, этнокультурой, сохранивших до настоящего времени своеобразие кюринского диалекта лезгинского языка. Они проживают на небольшой территории Сулейман-Стальского района республики Дагестан, в селениях Карчаг, Зизик, Нютюг и Экендиль.

Основной формой семьи у лезгин-карчагцев в XIX в., судя по письменным источникам и полевому этнографическому материалу, была малая семья – «гъвечли хизан». Но полунатуральное земледельческо-скотоводческое хозяйство, сочетающееся с домашними промыслами, требовавшее большое число рабочих рук, мало-земелье и ряд других факторов способствовали сохранению до начала XX в. неразделившихся семей – «чара тахъанвай хизанар», представляющих собой

близкородственную группу, состоящую из трех-четырех нисходящих поколений (родители – дети – внуки – правнуки) с численностью 20–25 человек. На этот факт обращает внимание кавказовед М.О. Косвен, который указывает: «Семейная община представляет собой группу, состоящую из трех-четырех-пяти, а иногда более поколений ближайших родственников, как нисходящих, так и боковых. Хозяйственная сущность заключается в совместном, общинном (коллективном) владении землей, орудиями производства, домашним скотом и другим хозяйственным имуществом, совместном производстве и совместном потреблении» [2].

Как известно, основой большой семьи является ее степень родства, где старшее поколение в лице дедушки и бабушки, а также отца и матери осуществляет руководящую и воспитывающую роль. Исследуя семейную общину лезгин, М.Ш. Ризаханова отмечает: «Для всех членов семейной общины существовали названия, часто подчеркивающие степень родства, возраст, прозвище и т.д. Глава семьи – “члехи буба” (старший отец), его жена – “члехи диде” (старшая мать), “члехи стха” – старший брат, “гъвечли стха” – младший брат, “члехи вах” – старшая сестра, “гъвечли вах” – младшая сестра, “буба” – отец, “диде” – мать. “Имид рухаяр” – двоюродные братья по отцу, “имид рушар” – двоюродные сестры по отцу, “имд свас” – жена дяди по отцу, “хтулар” – внуки, “штулар” – правнуки» [3]. Аналогичного рода степень родства с некоторыми изменениями существовала в исследуемое время у лезгин-карчагцев.

В начале XX в. в карчагских селениях еще оставались неразделенные семьи. Возглавляли их, как обычно, отец с матерью. Старшие в семье являлись главными распорядителями в доме. Отец «члехи буба» распоряжался всем имуществом семьи, распределял средства по различным надобностям, руководил деятельностью взрослых членов семьи, особенно мужчин, имел право наказывать и поощрять отдельных членов семьи. Над женской половиной дома властвовала мать «члехи диде». Она распределяла домашнюю работу между невестками, выдавала продукты на день и держала у себя ключи от кладовой. После смерти отца вся ответственность в большой семье переходила к матери, а после ее смерти всеми делами ведали старший сын и его жена. Старшая мать оказывала невесткам помощь в воспитании детей, а также в работе по хозяйству. В зимний период мужчины занимались отходничеством [4].

С.С. Агаширинова в характеристике лезгинского тухума (патронимии) приходит к выводу, что тухум у лезгин, возникший в условиях первобытнообщинного строя, в то же время является прямым пережитком семейной общины, последней формой родоплеменной организации, которая одновременно несла в себе черты более поздней соседской общины [5].

Неразделенная семья у лезгин-карчагцев, в свою очередь, входила в более широкую семейно-родственную группу «тухум» – патронимию (по отцовской линии) «эвлед», которая объединяла всех родственников, происходящих от одного предка. Однако главой тухума – «тухумдин кьил» – у лезгин-карчагцев не всегда считался старший в роду, в большинстве случаев главенство приобреталось личными качествами, справедливостью, уважением, авторитетом среди родственников, состоянием богатства и т.д.

«Тухумдин кьил» возглавлял все мероприятия, происходящие внутри патронимии: сватовство, свадьбы, похороны, строительство дома одному из представителей патронимии, рождение ребенка, оказание моральной и материальной помощи бедствующей или нуждающейся семье в уплате штрафов, податей и т.д. Эти обычаи сохраняются и поныне. Они и сегодня играют значительную роль. Обязанности членов тухума по отношению друг к другу и поныне заключаются в

нравственной, моральной и материальной поддержке и помощи обедневшим или попавшим в беду членам тухума. Такие семьи выделяются своей сплоченностью и дружбой.

Необходимо отметить, что полевой материал позволяет нам в какой-то степени проследить процесс территориальной делокализации патронимий. Некогда если не вся патронимия, то какая-то часть составляла особые поселения. Так, по преданиям, сохранившимся в памяти наших информаторов, примерно около пяти патронимий жили отдельными аулами Гъуържер и Къакъалар. Затем посягательства абреков на их частную собственность или обложение налогами заставили патронимии объединиться в одно поселение Зизик в целях защиты. Тухумы в с. Зизик отличались организованностью и спаянностью. Аналогичные процессы наблюдались в рутульских селениях Мишлеш и Лучек [6].

Информатор сообщает, что в конце XIX – начале XX в. в Карчагских селениях было зафиксировано более десятка неразделенных семей, которые состояли из 25 и более человек. К примеру, семья Шахбана Бадасиева из с. Карчаг насчитывала 28 человек: его сыновья Агабек, Асадула, Мирзафер вместе с женами; его братья Агарагим, Фетали, Мамед вместе с женами и детьми; внуки Шахбана Мамед, Даниял, Ага вместе с женами и правнуки в количестве шести человек. В с. Нютюг самой многочисленной семьей в указанное время считалась семья Карахана Рамалданова. Его семья состояла из 31 человека: отец Карахан, его жена Иминат, сыновья Агахан, Кирим, Мирзабек, Орудж вместе с женами и детьми; внуки его Азбер, Сархат, Фархат, Мурсали, Аджи, Аджимурад, Аджибала вместе с женами и детьми. В с. Зизик жила большая неразделенная семья Астархана Кафланова, местного муллы. Его семья насчитывала 34 человека: его сыновья Султан, Агамед, Алимет вместе с женами и восемью детьми; его братья Бала, Нурмагомед, Алимурад вместе с женами; племянники Астархана Алимамед, Мурад, Кафлан, Ибрагим, Абдурахман, Агарагим вместе с женами и 12 детьми. В с. Экендиль семья Шахмардана Рзаханова – самая многочисленная, около 26 человек: Отец Шахмардан, сыновья Рзахан, Шекерхан вместе с женами и пятью детьми; брат его Мамед с женой, племянники Шахмардана Фетали, Аразхан, Шекерхан, Махмуд вместе с женами и восемью детьми [7].

Некоторые тухумы карчагцев владели значительными земельными угодьями (сенокосными, пахотными), садами, огородами, сельскохозяйственным инвентарем, в определенном количестве крупным и мелким рогатым скотом. Доходы в этих семьях были общими, получаемыми от земли, скота, ремесла, а также заработки отходников. Семья занимала огромный двор «къапу», внутри которого располагались несколько домов. Здесь такие семьи называли «Шахбанан къапу» (двор Шахбана), «Караханан къапу» (двор Карахана) «Астарханан къапу» (двор Астархана), «Шахмарданан къапу» (двор Шахмардана) и др.

Не менее важным фактором являлось общественное единство тухума в локализации, то есть комплексном проживании, в отдельном квартале или части селения. Те, кто поселялся вдали от родственного коллектива, подвергались осуждению. Карчагские селения, как и повсеместно в Дагестане, прошли путь развития от небольших тухумно-родственных поселений до территориальных [8]. Родственники старались в пределах селения располагать свои жилища рядом или невдалеке друг от друга. Так образовывались тухумные кварталы, имевшие свой молитвенный дом и свое кладбище.

Этот факт отмечен нашими информаторами, показавшими, что в начале XX в. в карчагских селениях имелось множество кварталов «мегъле», где проживали тухумы – патронимии. К примеру, с. Карчаг подразделялось на 8 кварталов, а

население состояло из более чем 10 тухумов: Абдурагъиман эвлед – 43 чел., Абдидин эвлед – 38 чел., Аскеран эвлед – 60 чел., Къалабеган эвлед – 34 чел., Урдиханан эвлед – 54 чел., Эврезан эвлед – 51 чел., Эсадулагъан эвлед – 35 человек, Ашурбеган эвлед, Къадималидин эвлед, ПсетIарин эвлед. Нами установлено, что в изучаемый период в Карчаге тухумы называли по имени главы и довольно редко – по прозвищу или кличке [9].

Информатор сообщает, что в с. Зизик имелось 8 кварталов «мегъле» и 9 тухумов – патронимий: Гаргарар, Гамбуяр, Дарвагъар, Къакъалар, Къемкъерар, Ченехар, Чакъарар, Шувуар, Чеперар. Селение было образовано объединением населения тухумных поселений Гъуържер, Къакъалар и Зизикар. Селение Нютюг подразделялось на 7 кварталов «мегъле», а население состояло из 9 тухумов: Баширар, глава тухума Карахан – 18 хозяйств; Лакарар, глава тухума Лакар – 16 хозяйств; Куркурар, глава тухума Шихамир – 13 хозяйств; Сулейман, глава тухума Сулейман – 11 хозяйств; Чепер, глава тухума Гамза – 10 хозяйств; Шувуар (главу тухума не помнят) – 9 хозяйств; Курар, глава тухума Сефибег – 8 хозяйств и т.д. Тухумы в селениях Зизик и Нютюг называли по прозвищу. Исследование показало, что прозвища эти сохранились и поныне. Селение Экендиль было разделено на 5 кварталов, население состояло из 12 тухумов: Гаджиусманан эвлед – 8 хозяйств; Исфафилан эвлед – 6 хозяйств; Махмудан эвлед – 6 хозяйств; Байрамалидин эвлед – 10 хозяйств; Наврузалидин эвлед – 11 хозяйств; Пулатан эвлед – 13 хозяйств; Къарбуяр эвлед; Бремман эвлед; Агъаян эвлед; Куджадин эвлед; Къириман эвлед и др. [10]. В последних патронимиях количество хозяйств в карчагских селениях информаторы не помнят. Слово «тухум» жителями селений Карчаг и Экендиль зачастую заменялось словом «эвлед».

В середине XIX в. патронимические кварталы в Карчагских селениях были изолированы один от другого, зачастую они представляли собой единый строительный комплекс. Несколько домов одной патронимии могли иметь один вход (ворота), общий двор и общую ограду. Необходимо отметить, что в отличие от общего массива лезгин и других народов Южного Дагестана [11] в данных селениях один вход (ворота), изготовленный из камня с различными узорами и рисунками животных и растений, назывался «чархунин къапу» (арочные ворота). К примеру, в с. Карчаг – «Урдиханан чархунин къапу», «Аскеран чархунин къапу», «Эврезан чархунин къапу» и др.; в с. Экендиль – «Къужадин чархунин къапу», «Герейханан чархунин къапу» и др.; в с. Нютюг – «Сефибеган чархунин къапу», «Герейханан чархунин къапу» из тухума «Лакарар» и др.; в с. Зизик – «Къафланан чархунин къапу», «Гъуьсенан чархунин къапу» и др.

Кварталы, заселенные горскими евреями, характеризовались очень тесной застройкой, мизерными усадьбами и почти полным отсутствием садов, что объяснялось безземельем их общин [12].

Планировка карчагских селений в большинстве случаев бессистемна. Все же в каждом селении можно проследить главную улицу, правда, не всегда прямую, от которой во все стороны расходятся переулки, пересекающиеся с другими, более отдаленными от центра, улицами. Представители тухумов жили в своих селениях смешанно, хотя при возведении нового жилья каждый стремился строить его рядом с близким родственником. Квартальных мечетей у лезгин-карчагцев в исследуемое время, по сообщению информаторов, не было. Главная улица с. Карчаг была центром местной общественной и экономической жизни, где в центре стояла джума-мечеть, возле которой решались вопросы хозяйственного и правового порядка. Мечеть с. Корчаг построена в начале XVIII в. (камень в ее стене помечен да-

той 1719 г.). Свои мечети были и в с. Нютюг, Зизик и Экендиль, причем при последней функционировал «мектеб» – мусульманская (духовная) начальная школа.

В XIX – начале XX в. тухумных кладбищ при селениях уже не было. Они были общими, но на них отводились тухумные участки, где хоронили лишь представителей определенного тухума. Это обстоятельство отчетливо прослеживается у лезгин-карчагцев и по сей день. К примеру, «Караханар чка» (место Карахановых), «Шабанар чка» (место Шахбановых), «Эврезар чка» (место Эврезовых) «Гамбуяр чка» (место Гамбуяра), «Лакарар чка» (место Лакара) и т.д. Кроме того, в карчагских селениях имелось несколько пиров (священные памятники). В каждом тухуме были представители, которые ухаживали за святынями. По традиции в каждый четверг на место, где расположена святыня, люди приносили дары, сладости и др., угощали прохожих от имени детей, которые болеют. Помолившись у пира, они просили у Бога здоровья своим детям.

В с. Экендиль и поныне существуют три святыни – «пир», одна из которых источает целебную воду. Из ближайших селений приходили паломники со своими больными родственниками в надежде на исцеление. Воду из пира набирали в глубокую емкость, чтобы искупать либо продержатъ больного в воде несколько минут, и по ходу читали молитву. Затем сопровождающие завязывали на ветке дерева, растущего возле пира, в узелки куски материи и одаривали прохожих печеностями. По округе ходили легенды о быстром выздоравливании больных людей, побывавших у пира [13]. Р.И. Сефербеков пишет: «По дороге из с. Экендиль в сторону Нютюга, на территории заброшенного поселения, находится священный родник, над которым возведено помещение для паломников. Считается, что вода из этого родника исцеляет от ревматизма и других болезней опорно-двигательной системы. Эту воду также пьют и купаются в ней. У родника растет и священное дерево – карагач. И родник с возведенным над ним помещением, и карагач считаются в народе священными» [14].

В своем квартале или части селения, особенно в с. Зизик, Карчаг и Экендиль тухум были общие места сходов, то есть маленький «ким». На этот «ким» собирались только мужчины данного тухума и обсуждали внутренние дела: оказание помощи бедствующей семье, продажу или дарение земельного участка, сватовство, свадьбу, похороны, помощь при строительстве дома отдельной семье в тухуме, но могли прийти для определенных переговоров и представители тухума из соседнего квартала.

Порой места сборища «ким» могли находиться на границе кварталов. С.А. Азизов пишет: «О территориальной локализации патронимий свидетельствует и наличие патронимических мест собраний-площадей (кум, хур и т.п.). Патронимические площади, как правило, имели большие по числу семей патронимии, сохранявшие известное территориальное единство. Иногда место сборища находилось на границе кварталов, тогда оно могло принадлежать двум патронимиям (даже не родственным между собой)» [15].

Процесс децентрализации патронимий затронул в некоторой степени и лезгин-карчагцев, когда отдельные семьи и целые части патронимий переселялись на новые места в Дагестане и даже за его пределы, в частности в Азербайджан. К примеру, по сообщениям информаторов, селение Карчаг основал глава тухума Карчу из местечка Турпах-кала, вблизи Дербента, который вместе со своим тухумом прибыл сюда, в поисках земли, из-за непомерно высоких налогов своего правителя и рассорившись с другими тухумами. Поселения Шах-шаха-хуър, Лакарар, Чуру хуър, расположенные в окрестностях с. Карчаг, некогда с цветущими садами, плодородными земельными угодьями, большим количеством скота и т.д., в крат-

чайший срок от непогоды и череды неурожайных лет из-за засухи и других природных катаклизмов превратились в обедневший край. Тухумы видели свое спасение лишь в переселении в другие места. Некоторые тухумы переселились в с. Карчаг, а другие – в Азербайджан, где спустя несколько лет появились поселения с аналогичными названиями – Шах-шаха-хуър, Лакарар, Чуру хуър [16]. Некоторые тухумы из карчагских селений были привилегированными, пользовались большим уважением, авторитетом, славились мудростью, святостью, храбростью и, главное, богатством небольших площадей земельных угодий, значительным поголовьем крупного и мелкого рогатого скота, оказанием материальной поддержки в пользу общины села. Как правило, таковыми были старшины (кевха), сельские судьи, муллы и некоторая часть узденства, приближенные к беку, ведавшие делами сельского общества и т.д. Например, в с. Карчаг это были Шахбанов Рза (приближенный к беку человек); Гусейнов Мердали (сельский судья); Урдиханов Карахан, член совета старейшин; Мамеев Мамед-Керим, ведавший сельскохозяйственным инвентарем на плантациях бека; в с. Зизик – Астарханов Каflan, мулла; в с. Нютюг – Аджиханов Римихан, сельский судья; Лачинов Байрамбек, сельский старшина; в с. Экендиль – Шахмарданов Рзахан, сельский старшина; Ферзиев Пулат, член совета старейшин села. Также необходимо отметить, что ответственным делом считался перегон бекского скота с охраной и необходимыми принадлежностями. Старожилы с. Корчаг помнят до сих пор, что в конце XIX – начале XX в. пастухами бекского скота, количество которого составляло около тысячи голов, были Шингаров Шалбуз, Гусейнов Гаджикурбан [17].

Важное место в семейном быту лезгин-карчагцев занимал обычай избегания, который регулировал взаимоотношения между членами семьи и создавал здоровый микроклимат в семье. Кроме того, данный обычай выполнял еще и ряд других важных функций – регламентировал взаимоотношения между старшими и младшими, родителями и детьми, мужчинами и женщинами, предотвращал семейные конфликты и т.д. Между супругами избегание было строже всего, особенно в первые годы супружества. Молодая жена жила вместе с супругом в отдельном помещении только до рождения первого ребенка. Затем, после рождения ребенка, она переходила в общую комнату. Супруга не должна была разговаривать с мужем в присутствии свекра, свекрови, старших братьев и сестер. Подобные отношения между родителями и детьми у лезгин-карчагцев продолжали сохраняться вплоть до 70-х годов XX столетия.

Питалась неразделенная карчагская семья обычно из одного котла. Готовила еду средняя или младшая невеста. В некоторых семьях все члены семьи садились обедать вместе, расстелив на полу большую скатерть. Вначале кормили мужчин, затем детей, а потом садились женщины. Для угощения подавалась традиционная еда (молочная, мучная и реже мясная), причем основной трапезе предшествовал чай с вареньем, реже – мед и другие напитки. В семьях зажиточных карчагцев стол мог быть более роскошным, на стол подавали хинкал, плов, голубцы, халву, пироги из пшеничной крупы «ч'ахаринафарар», фрукты и др. Если в дом заглядывал гость, то хозяин дома для приема пищи уединялся в отдельной комнате, которую оставляли специально для приема гостей, – «мугьмандин к'вал». Приготовлением пищи в основном занимались женщины, обслуживанием гостей – мужчина. Когда еда готовилась в больших количествах для общественных трапез (свадеб, похорон), приглашались мужчины с навыками кулинарного дела – «ашпазар», признанные в сельском обществе. В завершение трапезы хозяин мог одаривать поваров подарками (деньгами, куском мяса, маслом и др.) [18].

Немаловажную роль в постепенном разрушении неразделенных семей лезгин-карчагцев сыграло проникновение в их среду капиталистических отношений, то есть совместное проживание и общая собственность всей большой семьи в дальнейшем изживают себя. В последующем большая семья переходит на раздельное проживание малых семей с их собственностью, а родственная связь сохраняется лишь в тухумных обрядах предков. Причинами этого были острая нехватка земли, жилья, сельскохозяйственного инвентаря, отходничество и др. Мужчины уходили на заработки, их семьи большую часть года (иногда и 2-3 года) оставались фактически без мужчин. Живя неразделенной семьей, члены ее рациональнее использовали небольшой земельный участок, находившийся во владении семьи, и скудный сельскохозяйственный инвентарь. Кроме того, такие семьи становились более дружными и сплоченными.

Отходничество, как одно из важных занятий в конце XIX – начале XX в. в неразделенных семьях карчагских селений, получило широкий размах. Отходники работали на нефтяных, соляных, рыбных и других промыслах Дагестана и Северного Кавказа. На них побывали: из с. Карчаг – Гамзаев Ишреф, Шабасов Шабас и др. (промысел в Огнях); из с. Зизик – Гюльяхмедов Алимет, Гасанов Шихрасул и др. (промысел в Майкопе). Большая часть отходников через 5-6 месяцев возвращались домой, некоторые из них оставались на промыслах подряд два-три года. Небольшими группами отходники Корчагской долины уходили также на выполнение сельскохозяйственных работ к крупным землевладельцам, богатым скотоводам, садоводам Касумкента, Кураха, агульских селений и др. Росло число отходников, отправляющихся работать в Азербайджан, на бакинские нефтяные промыслы и сельскохозяйственные работы. К примеру, из с. Карчаг – Насруллаев Абил, Урдиханов Иса, Юсуфов Меджид, Абдурагимов Керим, Урдиханов Карахан (Бакинский нефтяной промысел); из с. Экендиль – Пулатов Гаджимелюк, Кафаров Шихбуба и др. (рабочие бакинских фабрик). В строительстве моста на реке Амударья в 1911–1913 гг. (Туркмения) работали Кемеров Тари и Мерденов Магарам из с. Зизик [19]. и мастерамиютки земли, то их изготавливали специальные мастера, которые имелись почти в каждом селе.

У лезгин-карчагцев пережиточные явления большой семьи сохранялись еще долгое время. М.О. Косвен отмечает: «Там и тогда, когда общеэкономические условия, с одной стороны, еще не уничтожили необходимость в больших семьях, а с другой стороны, еще не создали прочной базы для индивидуального хозяйства, удерживающая свои позиции большая семья вполне может оказаться зажиточной, тогда как вновь возникшая малая семья оказывается маломощной, легче подвергается влиянию неблагоприятных условий, случайностей и пр.» [20].

Малая и некулярная семья у лезгин-карчагцев, как у общих лезгин и других народов Дагестана, в основном состояла из двух поколений – супругов и их детей. Иногда с женатыми сыновьями жили родители. Господствующая роль в малой семье принадлежала мужчине, а подчиненная – женщине. Основным кормильцем и ответственным за материальное положение семьи являлся мужчина – глава семьи. Он полностью отвечал за семью перед тухумом. Никто не имел права противоречить ему, и все члены семьи подчинялись ему беспрекословно. Существовало строгое разделение труда между мужчиной и женщиной. В обязанности женщины входили: уборка в доме, снабжение водой, доение коров, переработка молочных продуктов, приготовление кизяка, заготовка сена, жатва и молотба хлеба, уход за детьми, изготовление и починка одежды, изготовление сукна, паласов, ковров и т.д. Мужчины, как правило, пахали, сеяли, молотили зерно, пасли скот, привозили дрова, занимались строительными работами и т.д.

У лезгин-карчагцев, по сообщению информаторов, женщина в семье и обществе находилась в относительно ущемленном положении, чему в немалой степени способствовала исламская идеология. Напротив, отношение к мужчине было подчеркнуто уважительным, на него смотрели как на продолжателя рода и защитника своего очага и земли предков. М.Ш. Ризаханова пишет: «Власть мужа над женщиной у лезгин выражалась и в том, что при разводе инициатором всегда выступал мужчина и лишь мужчина вправе давать развод жене без всякого повода. Процедура эта заключалась в том, что стоило мужу в присутствии свидетелей трижды произнести сакраментальное “талак” – отпущение, присовокупив “ты мне больше не жена, а сестра”, (лезгины-карчагцы говорят “ты мне больше не жена, я тебе не муж, покинь мой дом”), как развод считался совершённым. И женщина тут же уходила в дом своего отца, оставив детей в доме мужа» [21]. Развод по инициативе женщины был явлением крайне редким. Он считался позором не только для самой женщины, но и для ее родных и близких.

О тяжелой жизни горской женщины неоднократно писали дореволюционные исследователи. Так, Н.Ф. Дубровин отмечает: «Разграничение в положении мужчины и женщины делается с самого раннего возраста. Часто можно видеть девятилетних девочек, возвращающихся с реки с огромными кувшинами воды, тогда как мальчики тех же лет, а иногда и более взрослые, ничего не делают. Неудивительно после того, что женщины стареют весьма скоро и делаются горбатыми до такой степени, что в каждом ауле можно встретить несколько старух, ходящих на четвереньках. Помочь жене в ее работе муж считает делом постыдным, и даже в случае болезни жены он ни за что не станет исполнять ее работы, а обратится с просьбой к соседкам распорядиться и позаботиться о его хозяйстве» [22]. Но не только от мужа приходится терпеть молодой жене – здесь свою роль играет и свекровь, передавая почти все свои обязанности ей. М.М. Ковалевский пишет: «Молодая супруга вступает в дом родителей мужа в качестве помощницы свекрови. Последняя сваливает на нее все работы в доме, помыкает ею, как рабою, и заставляет ее испытывать те же притеснения, каким сама подвергалась в дни молодости. Добрая мать подстрекает сына, чтобы он обходился с женой так же сурово, как, бывало, отец его некогда обходился с нею. Эти советы не пропадают даром и чаще всего исполняются буквально» [23].

Информаторы сообщают что, несмотря на изнурительный труд, положение женщин из трудовых слоев карчагского населения было несколько свободнее, чем положение женщин из знатных семей. Участие женщины в производительном труде (работа на поле, тканье ковра, вязание шерстяных носков и др.) давало ей хоть и небольшую, но все же свободу в отношениях с мужем и другими членами семьи. Трудящаяся женщина имела право голоса в обсуждении семейных дел, например в вопросах, связанных с браком (хотя и здесь право голоса оставалось за мужчиной), с материальными затратами семьи и т.п. Девушки из таких семей, принимавшие участие в полевых работах, иногда имели возможность общения с юношами. А девушки из знатных семей были лишены и такого удовольствия. С 13–14-летнего возраста им запрещалось выходить днем из дома. Они не занимались тяжелым физическим трудом, а проводили время за вышиванием, вязанием и т.д., считалось, что девочка с малолетства являлась помощницей матери в домашних делах. За редким исключением, лезгины-карчагцы придерживались моногамных браков, то есть мужчина имел одну жену. Лишь некоторые зажиточные лезгины-карчагцы позволяли себе иметь две, порой три жены. К примеру, Асланбеков Асланбек – три жены; Мерденов Мерден – три жены; Урдиханов Карахан – две жены (с Карчаг); Пулатов Пулат – две жены; Абдулазизов Абдулазиз – две же-

ны; Куджаев Куджа – две жены; Гереев Герей – две жены (с. Экендиль); Юзбегов Юзбег – две жены; Рамазанов Масум – две жены (с. Зизик) и т.д. [24].

В малой семье у лезгин-карчагцев, по сообщению информаторов, отделяли сыновей по мере их женитьбы. При отделении сыновей в отцовском доме оставался младший сын, который до конца жизни содержал родителей. Для них выделяли отдельные комнаты в том же доме, если только была возможность для этого.

Отцовская власть над детьми отражалась и в адатах по наследованию. Адаты Кюринского округа гласят, что «если кто-нибудь из детей оставляет без позволения родительский дом, то он лишается права на наследство, если только отец при жизни не простит ему этого поступка. Равным образом отец вправе лишить наследства тех из своих детей, которые своим неуважением, непокорностью и вообще дурным поступком навлекают на себя его гнев». Также в адатах говорится о праве отца лишать имущества законных наследников и отдавать другим по своему усмотрению. «Если кто-нибудь при жизни отдал в пользование другому принадлежащее ему имение, то после смерти его наследники без явных доказательств не вправе на оное претендовать. Ибо то обстоятельство, что сам хозяин при жизни своей не объявлял никакой претензии на неправильное завладение именем, служит доказательством, что таковое уступлено было ему добровольно» [25].

Таким образом, как это видно из приведенного материала, в XIX – начале XX в. у лезгин-карчагцев преобладающей формой семьи была большая семья (т.е. патриархальная община). Основную роль здесь играли старшие: дедушка и бабушка, отец и мать. Строго соблюдались обычаи, традиции и т.д. не только внутри патронимии, но и за ее пределами. Находясь в неразделенной семье, проживая в одном доме или дворе семейными ячейками, каждая из них могла вести самостоятельное хозяйство.

Но в связи с появлением новых экономических отношений, начиная с 20-х годов XX в., большие семьи постепенно стали распадаться на малые, где старшие в семье могли самостоятельно зарабатывать, устроившись в колхоз, совхоз и другие учреждения, чтобы прокормить свою семью.

Социально-экономические отношения, сложившиеся в XX в., оставили в прошлом обычаи и традиции, веками сложившиеся у лезгин-карчагцев и общего массива лезгин, заменив их более новыми, прогрессивными отношениями как внутри семьи, так и за ее пределами. Малая семья у лезгин-карчагцев становится более устойчивой, крепкой основной ячейкой государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Магомедов Р.М. Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. – Махачкала 1957. – С. 30-37.
2. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. – М., 1963. – С. 6.
3. Ризаханова М.Ш. Лезгины XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 2005. – С. 124.
4. Полевой материал. Информатор З. Калабекова, 1916 г.р., с. Карчаг.
5. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – начала XX в. – М., 1978. – С. 136.
6. Косвен М.О. Указ. соч. – С. 7.
7. Полевой материал. Информатор Ж. Пулатова, 1918 г.р., с. Экендиль.

8. Караханов С.С. Хозяйство и материальная культура лезгин Карчагской долины в XIX – начале XX в. – Махачкала, 2008. – С. 10.
9. Полевой материал. Информатор С. Абдурахманов, 1925 г.р., с. Зизик.
10. Полевой материал. Информатор П. Мазанова, 1929 г.р., с. Нютюг.
11. Агаширинова С.С. Указ. соч. – С. 150.
12. Горские евреи: история, этнография, культура. – С. 342.
13. Караханов С.С. О возникновении селений Карчагской долины (краткое историко-этнографическое исследование) // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2014. – № 2 (24). – С. 63-65. <http://hist-edu.ru/index.php/hist/article/view/212>
14. Karakhanov S.S. Emergence of settlements in Korchag valley (Brief survey of history and cultural anthropology)
15. Сефербеков Р.И., Караханов С.С. Мифологические персонажи лезгин Карчагской долины: синкретизм традиционных верований и ислама // Исламоведение. – Т. 6. № 1 (23). – С. 88. – Махачкала: ДГУ.
16. Азизов С.А. Южно-дагестанская патронимия (тухум) второй половины XIX – начала XX в. – Махачкала, 1997. – С. 43.
17. Караханов С.С. Указ. соч. – С. 13.
18. Полевой материал. Информатор Р. Наврузалиев, 1929 г.р., с. Экендиль.
19. Полевой материал. Информатор С. Абдурахманов, 1925 г.р., с. Зизик.
20. Полевой материал. Информатор П. Мазанова, 1929 г.р., с. Нютюг.
21. Косвен М.О. Указ. соч. – С. 21-22.
22. Ризаханова М.Ш. Указ. соч. – С. 72.
23. Дубровин Н.Ф. История владычества русских на Кавказе. Т. I, кн. 1. – СПб., 1871. – С. 553.
24. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. – М., 1890. – С. 194.
25. Полевой материал. Информатор З. Калабекова, 1916 г.р., с. Карчаг.
26. Адааты Южно-дагестанских обществ // ССКГ. – Тифлис, 1875. – Вып. VIII. – С. 67-69.

REFERENCES

1. Magomedov R. M. Socio-economic system of Dagestan in the XVIII-early XIX century. - Makhachkala 1957. Pp. 30-37.
2. Indirect M. O. Family community and patronymy. - M., 1963. - С. 6.
3. Rizakhanov M. S. Lezgins XIX – early XX century Historical-ethnographic study. - Makhachkala, 2005. - Pp. 124.
4. Field material. Informant Z. Kalabekova, born in 1916, S. Karchag.
5. Agashirinov S. S. Material culture of the Lezgins of the XIX – beginning of XX century – M., 1978. - Pp. 136.
6. Indirect M. O. Decree. Op.-S. 7.
7. Field material. Informant J. Pulatov, born in 1918, S. Ekendil.
8. Karakhanov S. S. Economy and material culture of the Lezgins of the Karchag valley in the XIX-early XX century. - Makhachkala, 2008. - С. 10.
9. Field material. Informant S. Abdurakhmanov, born in 1925, S. Zizik.
10. Field material. Informant P. Mazanova, born in 1929, S. Nyutyug.
11. Agashirinov S. S. Decree. CIT. – p. 150.
12. Mountain Jews: history, Ethnography, culture. - Pp. 342.
13. Karakhanov S.S. Emergence of settlements in Korchag valley (Brief survey of history and cultural anthropology). Historical and Social-Educational Idea. 2014.

14. № 2 (24). Pp. 63-65. <http://hist-edu.ru/index.php/hist/article/view/212>
15. Seferbekov, R. I., the S. S. Karaganov Mythological characters Lezgins Karchevskii valley: syncretism of traditional beliefs and Islam // Islamic studies. - T. 6. No. 1 (23). - P. 88. - Makhachkala: DSU.
16. Azizov S. A. South Dagestan patronymia (tukhum) of the second half of XIX-beginning of XX century-Makhachkala, 1997. - P. 43.
17. Karakhanov S. S. Decree. Op.-S. 13.
18. Field material. Informant R. Novruzaliyev, born in 1929, C. Elendil.
19. Field material. Informant S. Abdurakhmanov, born in 1925, S. Zizik.
20. Field material. Informant P. Mazanova, born in 1929, S. Nyutyug.
21. Indirect M. O. Decree. Op.-Pp. 21-22.
22. Rizakhanov M. S. The Decree. Op.-P. 72.
23. Dubrovin N. F. History of Russian rule in the Caucasus. Vol. 1. – SPb., 1871. - Pp. 553.
24. Kovalevsky M. M. Law and custom in the Caucasus. Vol. - M., 1890. - Pp. 194.
25. Field material. Informant Z. Kalabekova, born in 1916, S. Karchag.
26. ADATs of South Dagestan societies / / SSKG. - Tiflis, 1875. - Vol. VIII. Pp. 67-69

Информация об авторе: Караханов Савзихан Сейфулаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Каспийск, Россия
karakhanov65@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.11.2019

После доработки: 13.12.2019

Принята к публикации: 27.12.2019

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Savzihan S. Karakhanov, Candidate of historical sciences, associate professor of humanities at Dagestan State University of National Economy, karakhanov65@mail.ru

Received: 11.11.2019

Received after reworking: 13.12.2019

Accepted for publication : 27.12.2019

The author have read and approved the final manuscript